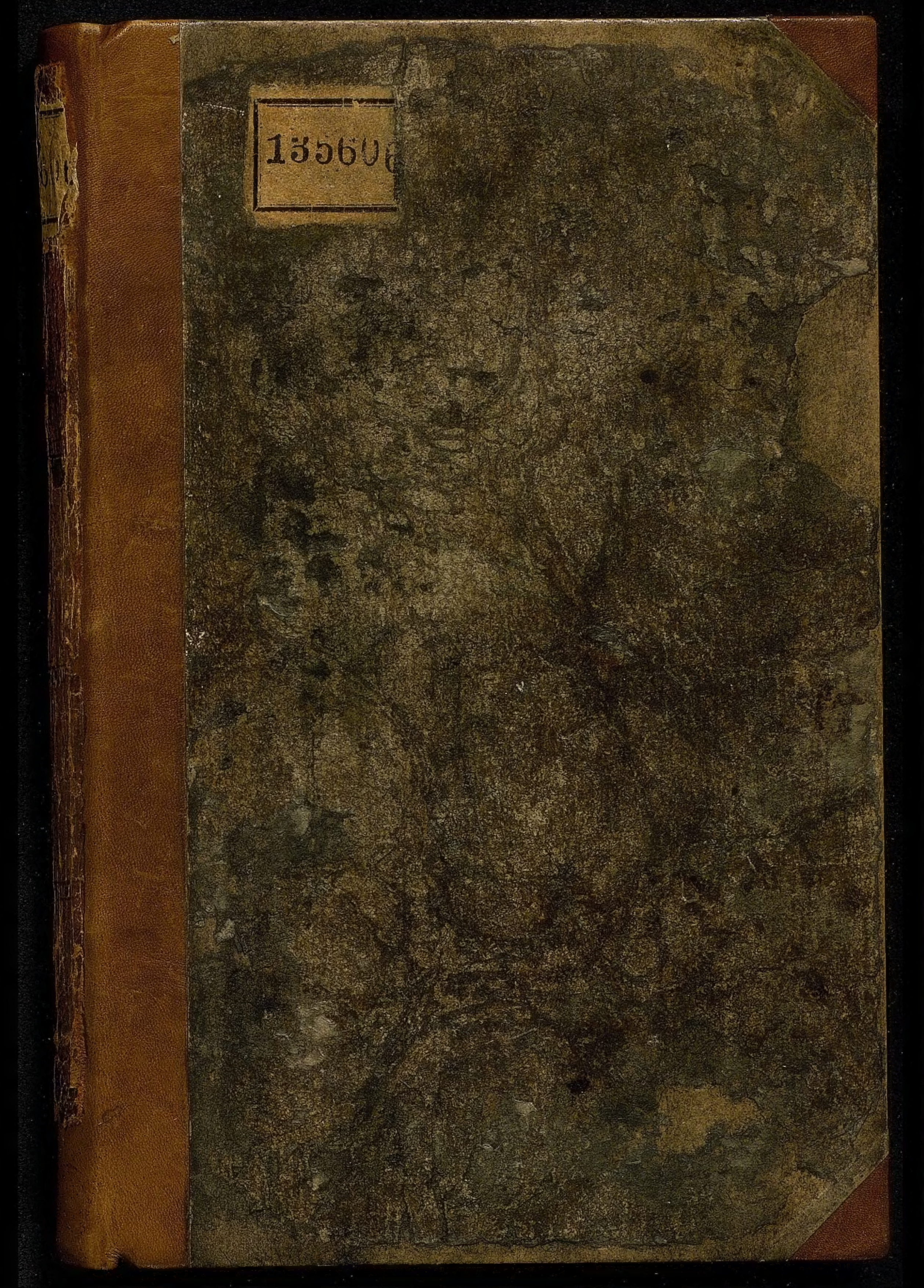
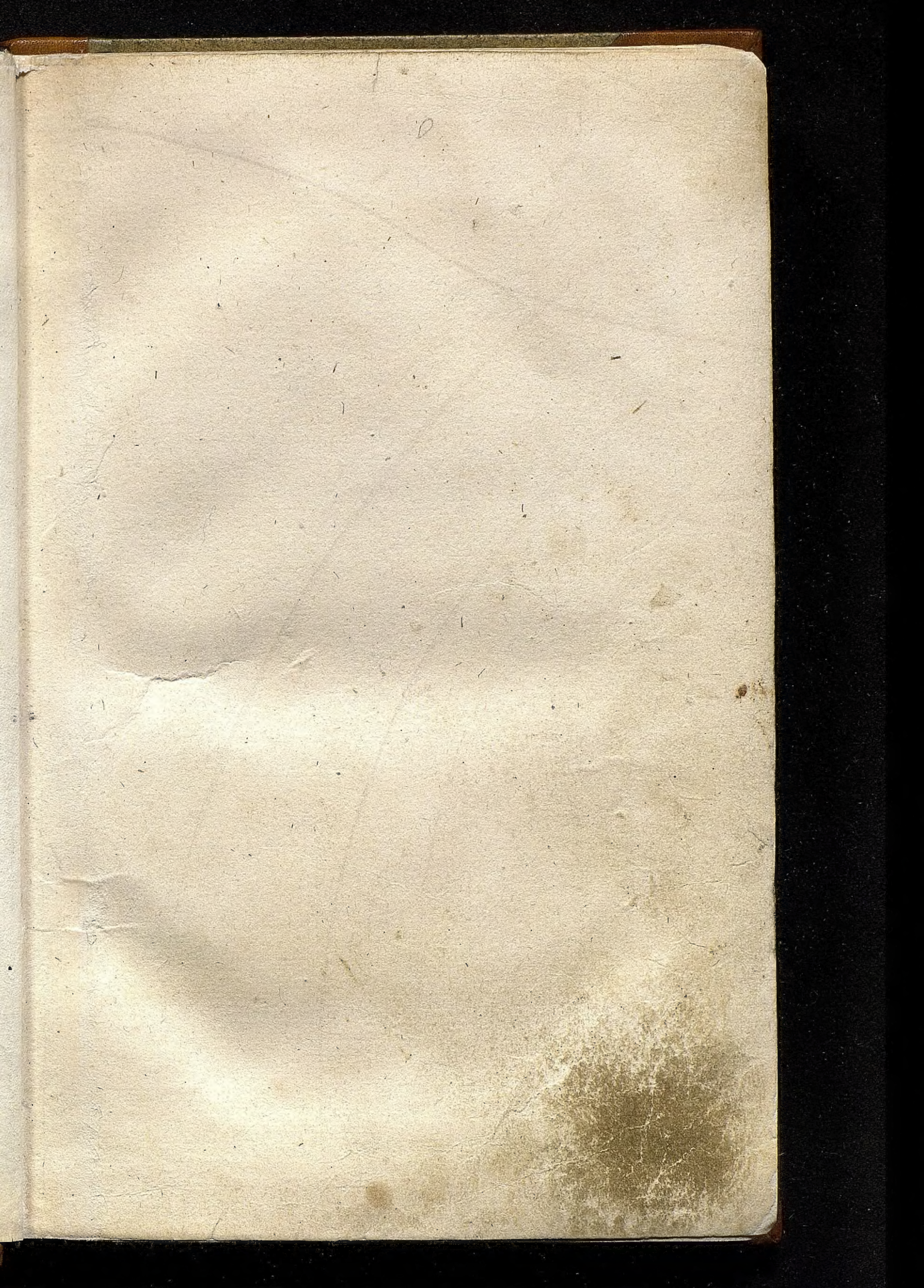

135606

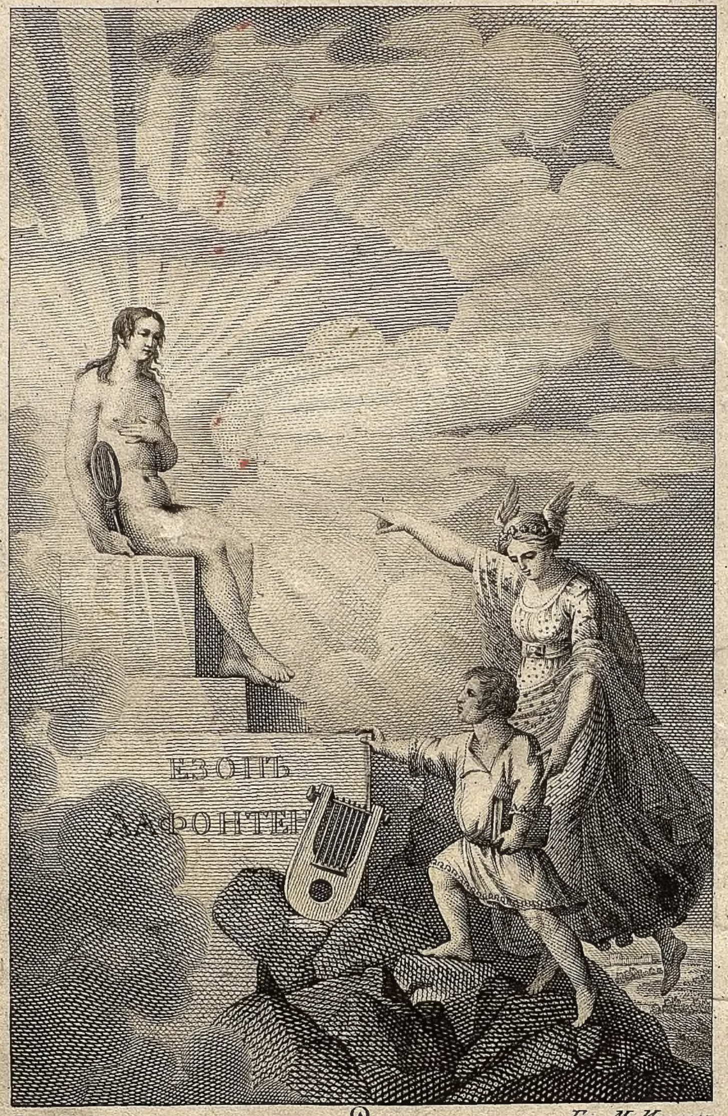

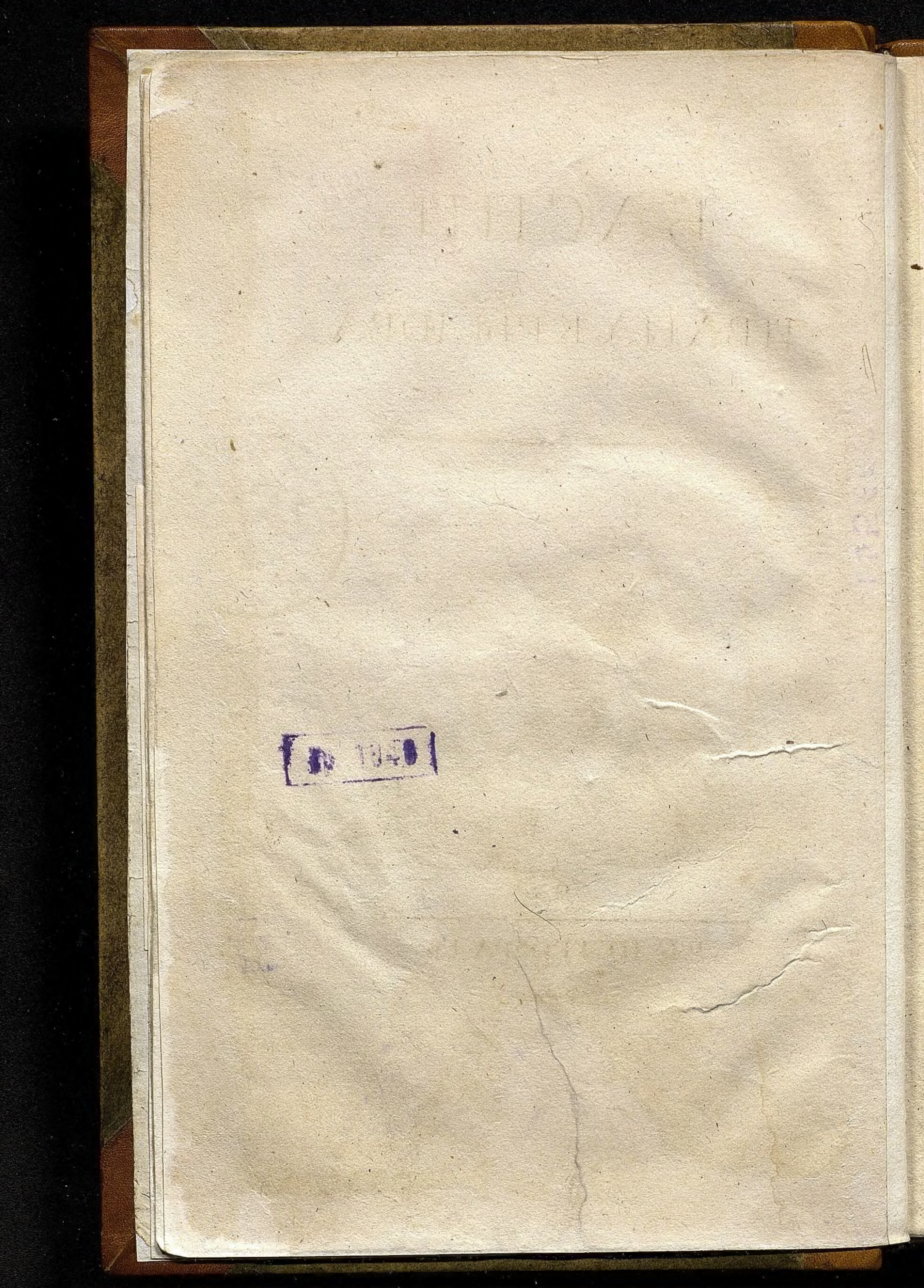
Рис: И: Ивановъ ΩA *Гр: М: Ивановъ*

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА

Рис. Ив. Ивановъ. Грав. Мих. Ивановъ.

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
1815 года.

3

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА,

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Типографіи Правительствующаго Сената

1815 года.

Печатать позволяется:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Маія 25 дня 1815 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

Съ благоговѣніемъ и душевною благодарностію всеподданнѣйше посвящаетъ

Иванъ Крыловъ.

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рис. И. Ивановъ ℞ *Гр. Бульбинъ*

БАСНИ

I.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отъищетъ уголокъ.-
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырный духъ лису остановилъ;
Лисица видитъ сыръ — лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Расказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно Ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, не стыдись.-Что ежели сестрица
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь тыбъ у насъ была Царь птица!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло;
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Тростинкѣ какъ то дубъ изволилъ сдѣлать честь,
Съ ней разговоръ завесть:
Какъ мало о тебѣ заботится природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мѣлкой рябью лишь погода,
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Тогда, какъ я – чело подъемля горделиво,
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви вкругъ мои разпространяю;
Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю,
И посмѣвался порывамъ злѣйшихъ бурь,
Какъ будтобъ огражденъ ненарушимымъ міромъ,
Ни вихремъ ни грозой стою неколебимъ.
Какъ разенъ жребій мой съ твоимъ!
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотябъ ужъ ты въ окружности росла
Моею тѣнію покрытой,
То былъ бы я тебѣ защитой.
Но васъ природа развела,
По тинистымъ брегамъ Эолова владѣнья.
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья. —
Ты очень жалостливъ, сказала трость въ отвѣтъ,
Однако не крушись; мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты, хотя еще не уклонялъ лица,
Какъ здерживалъ порывы бурь ужасны;
И всѣ усилья ихъ погнуть тебя напрасны:
Но подождемъ конца. —

Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
Взвивая пыль столбомъ ревущій Аквилонъ.
Уперся дубъ; къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ — всѣ силы собралъ онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова
И у ково, что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ.
Чемъ любоваться тутъ? --- твой хоръ
Горланитъ вздоръ.
То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ,
Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнова не берутъ,
И я не нахвалюсь ихъ добрымъ поведеньемъ.

А я скажу: --- по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные братца жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ,
И радость и печаль, все было по поламъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грусно имъ, а скучно не бывало.
Ну кажется, кудабъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ; вздумалъ странствовать одинъ у нихъ
летѣть.
Диковинки земнова круга
Судить и видѣть самъ собой;
Ложъ съ истинной сличить, повѣрить быль съ
молвой. —
Во снѣ и на яву онъ путь лишь видитъ свой,
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта розинуть. —
Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой;
Иль братца хочешь ты покинуть?
Безсовѣстной! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы
ужасны
И все, чемъ странствія опасны;
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь же кормъ и скуденъ такъ и малъ,
Да чу! — и воронъ прокричалъ;
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься дома милой мой!
Ну намъ вѣдь весело съ тобой;
Кудажъ еще тебѣ летѣть — не разумѣю?
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.

Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.
Все стану надъ тобой бояться я нещастья.
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья? —

Растрогала рѣчь эта голубка,
Жаль братца, да летѣть охота велика;
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
Не плачь, мой милой! такъ онъ друга утѣшаетъ;
Я на три дни съ тобой не больше разлучусь;
Все наскоро въ пути замѣчу — на полетѣ
И осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко.
Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко:
Все разскажу — дѣла ль — обычай ли какой,
Иль гдѣ или какое видѣлъ диво!
Ты слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будтобъ самъ леталъ ты по свѣту со мной!
Тутъ (дѣлать нѣчего) друзья поцѣловались,
Простились и разстались. —
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу дождь и громъ.
Подъ нимъ какъ Океанъ синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? — къ щастію засохшій дубъ попался;
Кой какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;
Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ немогъ,
Ни отъ дождя спастись; весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встрехнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ

Въ заглушьѣ подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился, въ сѣти тутъ попалась наша птичка.
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется!
По щастью сѣть стара; кой какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;
Но не до нихъ - онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта голубь мой.
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ,
Ахъ! силы въ коротко совсѣмъ истощены,
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены,
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ
пашетъ....
Тогда орелъ съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой,
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ голубь милой
Въ низъ камнемъ ринувшись прижался подъ
плѣтнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ черепкомъ намѣтя въ голубка,
(Сей возрастъ жалости не знаетъ,)
Швырнулъ — и разкроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ-съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ;
Щастливъ еще; — его тамъ дружба ожидаетъ;
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы! которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальной путь такой пускайтеся не вдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрьте той земли не сыщите вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

V.

ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
Смотрико, квакушка; что, будуль я съ нево?
Подругѣ говоритъ. — Нѣтъ, кумушка, далеко.
Гляди же какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково!
Пополнилась ли я? — Почти что ничего.
Нукакъ теперь?-Все тожъ.-Пыхтѣла,дапыхтѣла
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ;
И диволи? — когда житъ хочетъ мѣщанинъ
Какъ именитой гражданинъ,
А сошка мѣлкая — какъ знатной дворянинъ.

Рис: И: Ивановъ. *Гр: Галактіоновъ*

VI.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь
Противу дерзости искуствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малой и большой,
Часа нетратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиной рой. —
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ. —
А ты, чтожъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу курица кричитъ —
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.
Мнѣ что до этова за дѣло!
Вѣщунья ей въ отвѣтъ - я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ.
А вѣдь воронъ ни жарятъ ни варятъ,
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться —
А можетъ быть еще удасться поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай хохлаточка — щастливой путь.
Ворона подлинно осталась.
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ моритъ Смоленской сталъ гостей,
Она сама — къ нимъ въ супъ попалась.
Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и
глупъ;

За щастьемъ кажется ты по пятамъ несешся;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешся,
Попался какъ ворона въ супъ.

VII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.—

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза метался;
Ну всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ:
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ, ларецъ съ секретомъ.
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть—да, да: увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изъ подтишка;
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою.
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою. —
Вотъ, за ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ глядя на него иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ—не такъ—не тамъ—Механикъ пуще рвется;
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ;

Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, ни какъ не догадался;
А ларчикъ просто открывался.

VIII.

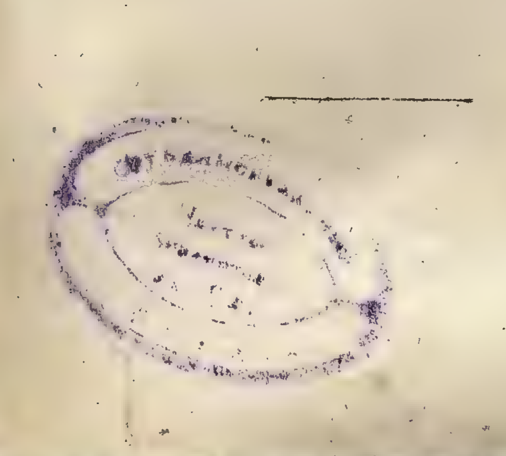
МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичь небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ—уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настижъ двери.
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ размешаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячи валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Себѣ тогожъ боясь, чуть бродятъ полумертвы.
Тѣжъ звѣри, да не тѣ въ великихъ тѣхъ бѣдахъ.
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь въ розь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ сей крайности-совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ:
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;
Сбрелись и въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.—
О други! началъ левъ, по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ
Пускай по доброй волѣ
Дозволитъ принести себя на жертву имъ.
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ друзей моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры.
И такъ, собравши духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякой въ слухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ, за что? совсѣмъ безвинно,
Диралъ безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучшебъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи, на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. —
О Царь нашъ, доброй Царь! отъ лишней доброты,
Лисица говоритъ, въ грѣхъ это ставишь ты.
Къ чему щадить овецъ?— я думаю безъ лести,
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной—
Для твари глупенькой такой,
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить —имъ это по дѣломъ.
Безхвостой этотъ родъ лишь глупой спесью
дышетъ
И нашими себя вездѣ Царями пишетъ.—
Окончила лиса; за ней, на тотъ же ладъ
Льстецы льву тоже говорятъ;
И всякой доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.
За львомъ медвѣдь и тигръ и волки въ свой чередъ
Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Ни кто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ:
и мы
Грѣшны; тому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы;
На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ —
Ни гдѣ себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стогу у попа я клокъ сѣнца стянулъ.
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки:
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть!— ну диво ли, что боги,
За беззаконіе его къ намъ столько строги?—
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ, за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы.
По немъ у насъ и моръ такой.—
Приговорили,
И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ такъ же, говорятъ,
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

IX.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно
И говоритъ: куда оно
Какая вещь пустая!
Не глуполь, что его высоко такъ цѣнятъ;
А я бы право былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному — оно не столь хоть видно,
Да сытно.

Невѣжи судятъ точно такъ.
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

X.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ.
(Красавица была немножко прихотлива)
Ну, чтобы все имѣлъ. Ктожъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть;
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она щастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ;
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ; да жаль, карманы пусты!
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ эдакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ ни кто по мысли ей ни какъ.—
Посмолкли женихи — годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали,
Да только женихи середней ужъ руки.
[illegible]кіе простаки!
Твердитъ к[illegible]ица, по нихъ ли я невѣста!
Ну, пр[illegible] затѣи не у мѣста.—

И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойдуль я за ково изъ этихъ чудаковъ
Какъ будтобъ я себя замужствомъ торопила!
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела.
День весела — и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не при-
стойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ отказы слыша тѣже,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ
Ни кто нейдетъ.
Еще минулъ годокъ — еще уплылъ годъ цѣлой;
Къ ней свахъ ни кто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ —
(А ей считать большой досугъ)
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь — зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ,
Умильны ямочки пропали на щекахъ,
Улыбки, рѣзвости, какъ будто ускользнули,—
Тамъ волоски два три сѣдые проглянули.
Бѣда со всѣхъ сторонъ.
Бывало безъ нее собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вокругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ?— ахъ! ее зовутъ у[illegible]а бостонъ.
Вотъ тутъ спѣсивица пере[illegible]ъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужс[illegible]ропиться;

Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ;
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.—
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла;
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

XI.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ. —
Тому въ исторіи мы тму примѣровъ слышимъ;
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ басняхъ говорятъ.
Ягненокъ въ жаркой день зашелъ къ ручью напиться;
И надо-же бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодной рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ — на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ!
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву —
Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ, —
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему ни какъ я не могу. —
По этому я лгу?
Бездѣльникъ! — слыханаль такая дерзость въ свѣтѣ! —
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ.
Я этова пріятель не забылъ —
Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году

Ягненокъ говоритъ - Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И есть ли можете, то мнѣ всегда вредите;—
Но я съ злобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.
Ахъ! я чѣмъ виноватъ? Молчи; усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ ку-
шать —
Сказалъ, и въ темной лѣсъ ягненка поволокъ.

XII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали;
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали.
Хозяинъ новой сталъ пасти на немъ ословъ.
Ослы незнаю, какъ-то знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать Музы свѣту надоѣли
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Смотрите же кричитъ одинъ, не унывай;
Я затяну, а вы не отставай.
Друзья! робѣть не надо —
Вы видите насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ.
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ;
А что бы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинова пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.
Одобрили ослы ослово
Красно — хитро — сплетенно слово,
И новой хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазаныхъ колесъ.
Но чемъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье,
Что, если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XIII.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабова обидѣть не моги:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно левъ за спѣсь наказанъ комаромъ;
Вотъ что я слышалъ стороною.
Сухое къ комару явилъ презрѣнье левъ.
Зло взяло комара — обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся комаръ на льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачь, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ;
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши льву онъ трубитъ;
И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча,
Орломъ на льва пустился,
И льву въ крестецъ всемъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ комаръ! да онъ же и не труситъ:
Льву сѣлъ на самой лобъ и львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ; левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ.
То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.
Вздурился левъ,
Пресmрашной поднялъ ревъ.
Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;

Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей, все кроется, бѣжитъ;
Отъ коль у всѣхъ взялися ноги;
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ, —
И ктожъ? комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.
Рвался, метался левъ и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость комаръ — льва жалуетъ онъ миромъ,
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубитъ свою побѣду по лѣсамъ.

XIV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянной богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
За то отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ;
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ;
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И фиміамомъ задушенъ.
Въ оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
Заговорилъ оракулъ вздоръ;
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо,
И кто къ нему за чемъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ, что молвитъ, то совретъ.
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда пророческой въ немъ даръ дѣвался?
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,
Пока былъ умной жрецъ, кумиръ непусталъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ, болваномъ.

Я слышалъ, правдаль, будто въ старь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умной Секретарь.

XV.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей,
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истинну понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.
Зимою огонекъ подъ рощей тлился.
Какъ видно тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ, огонь мой чуть горитъ,
И видя свой конецъ такъ рощѣ говоритъ:
Скажи мнѣ, роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешъ ты совсѣмъ нагая?
За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
Все это ничево — огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ.
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ;
А все, за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало;
Однако же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь:
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало;
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на почлегъ;

А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
И такъ. когда зимою,
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною;
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ.
Вотъ дѣло слажено—ужъ въ рощѣ огонекъ.
Становится огнемъ—огонь не дремлетъ;
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вкругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ; и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пѣньки стоятъ одни.
И не чему дивиться;
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

XVI.

ЛЯГУШКИ ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить;
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя они просить.
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не сродно;
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ;
Далъ имъ Царя — летитъ къ нимъ съ шумомъ Царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ трепнулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ;
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно что Царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ, осиновой чурбанъ.
Съ начала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ ни кто;
Со страхомъ на него глядятъ они — и то
Украдкой, изъ дали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которомубъ не приглядѣлся свѣтъ;

То и они сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью дерзнули.
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А тамъ кто посмѣлей; дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще по удалѣй,
Къ Царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Не много погодя посмотришь: кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дни наскучило съ такимъ Царемъ житье:
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инова нрава:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ; а на судѣ его,
Нѣтъ правыхъ ни ково.
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черной годъ.
Въ лягушкахъ каждой день великой недочотъ.
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ
И всякова, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежнева и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя инова,
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ не льзя, какъ это не ужасно!

Ни носу выставить, ни квакнуть безопасно;
Что наконецъ ихъ Царь тошнѣе имъ засухъ.
Почтожъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣль, безумные! вѣщалъ имъ съ неба гласъ.
Покою небыло отъ васъ?
Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?—
Вамъ данъ былъ Царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ—
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ—
Живитежъ съ нимъ, чтобъ небыло вамъ хуже.

XVII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Какой-то старичокъ развесть задумалъ садъ.
Пускайбы строиться, да какъ садить вътѣ лѣта,
Когда ужъ вонъ глядишь изъ свѣта?
Какой тутъ складъ!
Ну право дожилъ ты старинушка до дѣтства!
Не двѣстижъ лѣтъ въ твоемъ написаны вѣку:
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
Смѣясь его трудамъ:
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ.
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ;
Да собираться бы въ могилу по немногу;
А мѣстобъ здѣсь свое очистить для другихъ.
Ну что тебѣ охоты —
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы?
Оставь ужъ молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять—
Себя столь дальною надеждою ласкать;
А въ старости глубокой, хилой,
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.
Друзья! смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ,
Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ;
А естьли отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю;
То признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣй я берусь.
Чему же вамъ дивиться?
Садъ этотъ разводя, и тѣмъ я веселюсь,

Что естьли тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится.
Да можноль и за что ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ ково переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ! въ старости моей, прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей, я провожалъ въ могилу.
Кто знаетъ, можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было;
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой щастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило;
Надежду и пловца, все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркой день холоднова испилъ
И слегъ — его врачамъ искуснымъ поручили;
А тѣ его до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ доброй старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ и КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатый птицъ леталъ
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится;
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь—птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для орла насѣстокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды есть;
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь;
Иль не было въ близи, ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю что за мысль; но только, что орелъ
Не много посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая насѣдка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой
За что орлы въ чести такой?
Не ужъ ли за полетъ, голубушка сосѣдка?
Ну право естьли захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же въ передъ такія дуры,
Чтобъ почитать орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сей часъ,
Что по низу они летаютъ такъ, какъ куры.
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ ни когда съ орлами не подняться!

Когда поэтовъ судишъ ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XIX.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самой зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слезаетъ съ козелъ онъ,
И лошадей мучитель
Съ лакѣемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
Алегчѣ нѣтъ—ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель;
Но знать рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади хотя ево тронули;
Но въ гору по песку едва, едва тянули.
Случись тутъ мухѣ быть — какъ горю не помочь?
Вступилась; ну жужжать во всю мущину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной;
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или оставя лошадей
И въ доль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну словно откупщикъ на ярмонкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, ни кто,
Ни какъ помочь не хочетъ:
Гуторя слуги вздоръ, плетутся въ слѣдъ шажкомъ,
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ,

Самъ, баринъ позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ;
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать на ужинъ.
И муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки шагъ за шагъ понемногу
Встащилися на ровную дорогу.
Ну! муха говоритъ, теперя слава Богу!—
Садитесь по мѣстамъ и доброй всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть;
Меня на силу крылья носятъ.

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть—
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XX.

ОБЕЗЪЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все они перенимаютъ;
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезъянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у нево, такъ право нѣтъ конца.
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что невидать ни рукъ ни ногъ
Ужъ мы-ль на все не мастерицы!
А этаго у насъ искуства не видать.
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ кажется себя довольно позабавилъ;
Авось, уйдетъ; тогда мы тотчасъ... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти тутъ оставилъ.
Чтожъ, говорятъ они, и время намъ терять!
Пойдемъ-ка попытаться?

Красавицы сошли — для дорогихъ гостей
Разослано въ низу премножество сѣтей;
Ну въ нихъ они кувыркаться, кататься
И кутаться и завиваться
Кричатъ, визжатъ, веселье хоть куда.—
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться.
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками;
Они чтобъ на утекъ;
Да ужъ ни кто разпутаться не могъ
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXI.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливой дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродной, одинакой,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши;
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны! что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу ково набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей.
И точно встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечево, снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ;
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору.
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ

И какъ бѣсѣда шла у нихъ;
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за мишей онъ, безъ мишиньки тошнится
И мишинькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркой побродить по рощамъ по лугамъ,
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чемъ мишинка усталъ,
И отставать отъ друга сталъ.
То видя говоритъ, какъ путной мишка другу:
Прилягъ-ко братъ и отдохни,
Да коли хочешь такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла.
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,
А муха на щекѣ — согналъ — а муха снова
У друга на носу,
И не отвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижъ! ужъ я тебя воструху! —
И у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ въ розь раз-
дался,
И мишинъ другъ лежать на долго тамъ остался.

XXII.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто полѣ!
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной?
Злой тоской удручена
Къ муравью ползетъ она.
Не оставь меня кумъ милой,
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй —
Кумушка мнѣ странно это;
Да работалаль ты въ лѣто?
Говоритъ ей муравей.
До тоголь голубчикъ было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ,
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ;
Такъ что голову вскружило?
А! такъ ты? — я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.
Ты все пѣла? — это дѣло;
Такъ поди же попляши.

XXIII.

КВАРТЕТЪ.

Проказница мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапой мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужекъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
Стой братцы, стой! кричитъ мартышка, погодите —
Какъ музыкѣ итти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ мишинка, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы.
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
Постойтежъ я сыскалъ секретъ,
Кричитъ оселъ — мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.
Послушались осла, усѣлись чинно въ рядъ;
А все квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть,
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ прозьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
Пожалуй, говорятъ, возьми на часъ терпѣнье,

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инструменты есть,
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?—
Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по нѣжнѣй,
Имъ отвѣчаетъ соловей:
А вы друзья, какъ ни садитесь;
Все въ музыканты не годитесь.

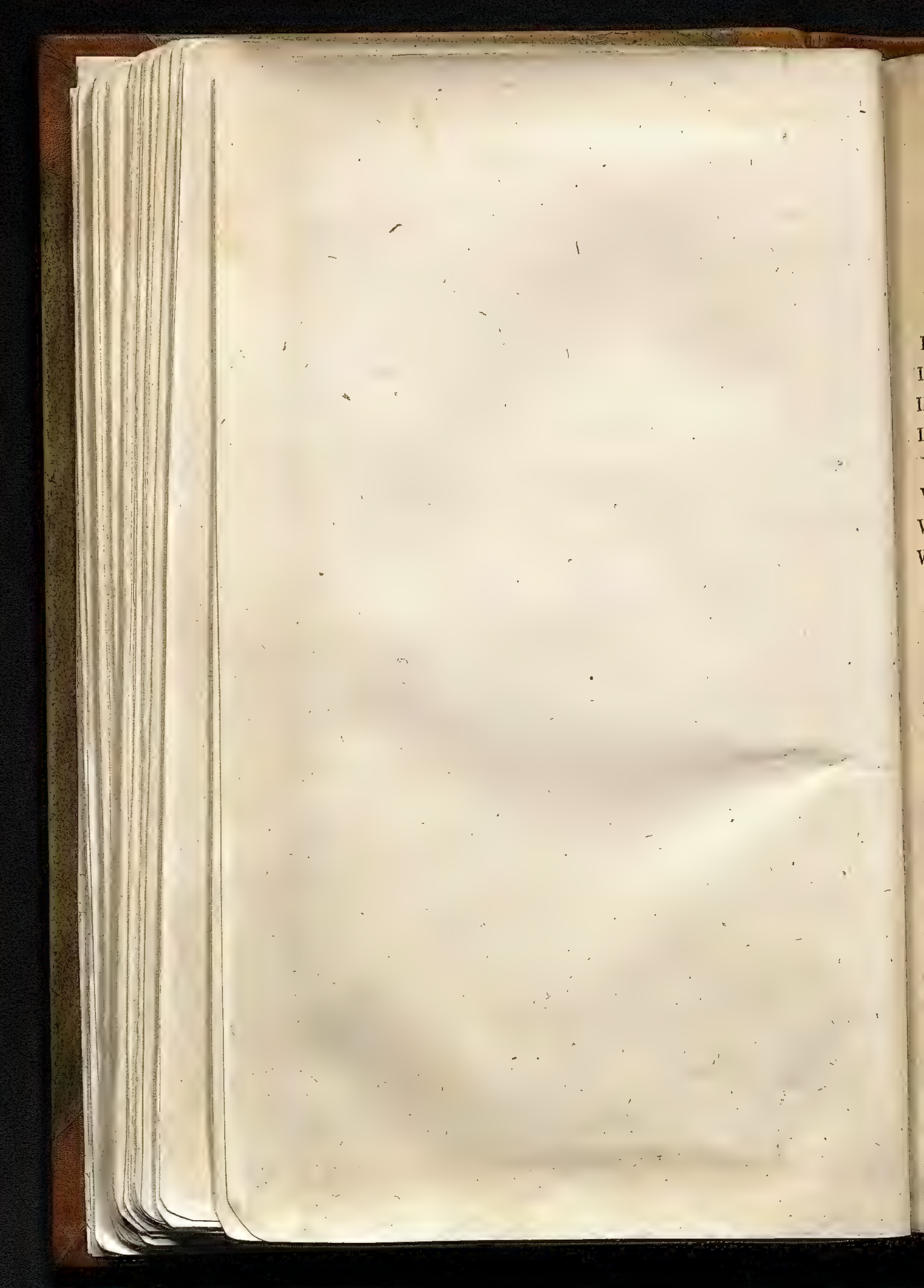

Рис. Ивановъ

Гр. Кульбинъ

БАСНИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рис. И. Ивановъ Гр. Галактіоновъ

БАСНИ

I.

ОТКУПЩИКЪ и САПОЖНИКЪ.

Богатой откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ;
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякой день давалъ пиры, банкеты.
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чево ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край;

Ѣ

И словомъ, кажется въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьеваль боится онъ суда,
Иль просто трусить раззориться;
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверьхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда;
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари, и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть ни какъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать, такъ власти нѣтъ;
Просилъ, такъ прозьба не беретъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
Пріятель дорогой, здорово!
Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово—
Ну что братъ, каково дѣлишки, Климъ идутъ?
(Въкомъ нужда, ужъ того мы знаемъ какъ зовутъ.)
Дѣлишки баринъ?— да не худо.
Такъ отъ того то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты стало щастливо живешь?
На Бога грѣхъ роптать, и чтожъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добрѣ и молода;
А съ доброю женой, кто этаго не знаетъ,
Живется какъ то веселѣй —
И деньги есть?- ну, нѣтъ- хоть лишнихъ не бы-
ваетъ;

За то нѣтъ лишнихъ и затѣй.
И такъ, мой другъ, ты быть богатѣй не желаешь?
Я этаго не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть благодарю;
Но самъ ты баринъ знаешь,
Что человѣкъ пока живетъ,
Все хочетъ болѣе, таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.
Ты дѣло говоришъ, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ, коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же— вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди-дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри; лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги.
Пять сотъ рублевъ тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!— сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, летомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ и съ нимъ свое веселье.
Не только пѣсенъ нѣтъ —куда дѣвался сонъ;
(Узналъ безсонницу и онъ.)
Все подозрительно, и все его тревожитъ
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ;
Похолодѣетъ весь и ухо онъ приложитъ.
Ну словомъ, жизнь пошла хоть кинуться въ рѣку.

Сапожникъ бился, бился
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику,
И говоритъ: спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ.
Я до него не зналъ какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни миліонъ.

II.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: ужь брать, такъ брать;
А то и когти что марать.
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну тольколь въ стадѣ, что ягняты?
Вотъ я какъ захочу,
Да налечу,
Такъ Царской подлинно, кусочикъ подхвачу.
Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ,
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ,
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ на конецъ
Барана, да какова?
Прежирнова, прематерова,
Которой добромубъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился
И въ шерсть ему, что силы есть вцѣпился;
Тутъ поздно онъ узналъ, что добычъ не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматой,
Густой, всклокоченной, хохлатой,
Что изъ него когтей не выдеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатой,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали
И дѣтямъ отдали играть.

Не рѣдко у людей тожъ самое бываетъ,
Коль мѣлкой плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ
бьютъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной зимной
Старикъ изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечь спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ
собой.

Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ, къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ;
И выдалсяль когда на свѣтѣ,
Хотя одинъ мнѣ радостной денекъ?
Въ такомъ уныніи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть — она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась въ мигъ
И говоритъ: за чѣмъ ты звалъ меня старикъ?
Увидѣвши ее свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ, бѣднякъ оторопѣвъ:
Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что, какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

IV.

ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ посвѣту разпустилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ; да и кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить?
И стало нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены подагра съ паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ:
Для добраго отца, большія дѣти бремя,
Пока они не помѣстамъ;
То отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: подите
Вы дѣтушки на свѣтъ и землю раздѣлите.
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто, что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возметъ?
Вонъ — видитель вы пышные чертоги?
А тамъ вонъ хижины убоги?
Въ одныхъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ и нищета.
Мнѣ хижинъ ни за что не нада,
Сказалъ паукъ. — А мнѣ не надобно палатъ,
Подагра говоритъ; пусть въ нихъ живетъ мой
братъ:
Въ деревнѣ отъ аптекъ подалѣ жить я рада;
А то меня, хирурги, доктора

Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора.
Такъ смолвясь братъ съ сестрой пошли, явились
въ міръ.

Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ;
По штофамъ пышнымъ, разцвѣчонымъ
И по корнизамъ золочонымъ
Онъ паутину разослалъ,
И мухъ бы пропасть нахваталъ;
Но къ разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ, онъ къ пѣчкѣ перебрался;
Оттолѣ паука метлой.
Туда, сюда паукъ бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ;
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньѣ, — и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей;
Чай въ селахъ, говоритъ, живетъ она Царицей.
Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Нещастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ.
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
Нѣтъ братецъ, говоритъ она, не жизнь мнѣ въ
полѣ.

А братъ
Тому и радъ:
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;

Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разо-
бралея,
И не боясь ни щетки ни метлы,
Зашкалъ и потолокъ, и стѣны и углы.
Подагра же тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самой пышный домъ,
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай, пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не ви-
дался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ,
И оба дѣлаютъ умно.

V.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума лиса залѣзла въ садъ.
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на виноградъ
Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты висятъ;
Лишь то бѣда, висятъ они высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ;
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймется.
Пробившись попусту часъ цѣлой
Пошла и говоритъ съ досадою: ну чтожъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешъ.

VI.
ОСЕЛЪ и СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: послушай-ко, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великой мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудитъ, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ли въ тебѣ умѣнье?
Тутъ соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной въ далекѣ свирѣлью отдавался,
То мѣлкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
Изрядно, говоритъ, сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещебъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.
Услыша судъ такой, мой бѣдной соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Рис: И: Иванов. *Гр: М: Иванов*

VII.

СЛОНЪ на ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть кажется слоновъ и умная порода;
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.—
Вотъ, доброй Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,
Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.
О плуты! слонъ кричитъ, какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье!
А волки говорятъ: помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькой оброкъ собрать съ овецъ?
А что они кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ,--съ сестры по шкур-
кѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.
Ну то-тожъ, говоритъ имъ слонъ, смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ.
По шкуркѣ, такъ и быть, возмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.

VIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ въ БѢДѢ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ,
Забрался въ клѣть и на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ?
Ну такъ, что нашъ мужикъ бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою.
Не дай Богъ ни кому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
Нельзяль какъ, говоритъ, помочь бѣдѣ моей?
Тутъ всякой съ мужикомъ толкуетъ
И умной свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычь говоритъ, эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.
Сватъ Климычь говоритъ: впередъ мой милой сватъ
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.
Эхъ, братцы! это все не такъ,
Сосѣдъ толкуетъ Фока.
Не то бѣда, что клѣть далека;
Да нада на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возмика ты впередъ щенка любова
Отъ жучки; я бы радъ сосѣда дорогова
Отъ сердца надѣлить;
Чѣмъ ихъ топить.

И словомъ отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таковожъ; коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ;
Начнутъ совѣтовать и въ кось тебѣ и въ прямъ;
Совѣтовъ ихъ не оберешься;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

IX.
ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору;
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору;
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь;
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.—

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные все товары;
А чтобъ мышиной родъ ему не навредилъ;
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ мышей купчина:
По кладовымъ и день и ночь дозоръ,
И все бы хорошо; да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ какъ у насъ, (кто этова не знаетъ?)
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь;
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатой,
И правой тутъ и виноватой
Скорѣй съ двора долой;
Безъ кошекъ сталъ купчина мой;
А мыши лишь того и ждали, и хотѣли;
Лишь кошки вонъ, они въ анбаръ,
И въ двѣ иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.

X.

СЛОНЪ и МОСЬКА

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ:
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него мѣтаться,
И лаять, и визжать и рваться;
Ну такъ и лѣзитъ въ драку съ нимъ.
Сосѣдка, перестань срамиться,
Ей шафка говоритъ, тебѣль съ слономъ во-
зиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоево совсѣмъ не примѣчаетъ
Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ,
Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

XI.

ВОЛКЪ и ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка волкъ начавъ помалу пріучать
Трудомъ коггпей своихъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилѣжнѣй примѣчать;
Не льзяль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть захватя грѣха,
На щотъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: пойдемъ скорѣй со мной,
Обѣдъ готовъ, ни что не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть,
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.
Постой-ка, волкъ сказалъ, сперва мнѣ вѣдать
нада,
Каковъ пастухъ у стада?
Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ, и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ — они совсѣмъ не жирны,
И плохи кажется, и смирны.
Меня такъ этотъ слухъ,
Волкъ старой говоритъ, не очень къ стаду ма-
нитъ:
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ:
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду.

Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
  Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры;
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
    Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

XII.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись;
Но приобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ, ни пользы, ни забавы.
Крестьянинъ на зарѣ съ сохой,
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо! исполатъ!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы; какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться,
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ!
Чурбанъ она, то понесетъ;
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочитъ, то покатитъ,
Рѣкой съ бѣдняшки льется потъ,
И наконецъ она пыхтя, насилу дышетъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ

И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

XIII.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить,
И несмотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить,
Отъ погребовъ до чердаковъ;
И для того совѣтъ назначено составить,
Въкоторомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ.
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то? теперь мы спрашивать не будемъ,
Да въ прочемъ объ умѣ, мы сами часто судимъ
По платью иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья,
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ совѣтъ;
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотябъ лишились ихъ они среди сраженья;
Но такъ, какъ это знакъ, иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ за нихъ своихъ хвостовъ не разтѣрять.
Все дѣло слажено, повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И наконецъ въ мушномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста;
Анъ глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышь толкаетъ

Мышенокъ молодой,
И говоритъ: какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
У всѣхъ,
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ;
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и успѣхъ?
Она нетолько насъ, подполицу всю сгубитъ;
А мышь въ отвѣтъ: молчи — все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.

XIV.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ,
Онъ на обтирку ногъ не рѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него ни какъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ.
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякой на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ;
То вѣрно ужъ его потреплетъ, иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всѣмъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его разинувъ ротъ;

Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей къ нещастью тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ,
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долголь былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ?
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы поташкали;
А тамъ онъ выброшенъ и слуху нѣтъ объ немъ.

Мы басней никово обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ мѣшковъ,
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносщикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали;
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали;
Съ которыми теперь и Графы и Князья
Друзья;
Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ за просто въ бостонъ.
Велико дѣло миліонъ!
Однако же друзья, вы столько не гордитесь.
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, естьли раззоритесь;
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

XV.

КОТЪ и ПОВАРЪ.

Какой-то поваръ грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ)
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь онъ видитъ? на полу
Объѣдки пирога — а Васька котъ въ углу,
Припавъ, за уксуснымъ боченкомъ
Мурлыча и ворча трудится надъ курченкомъ.
Ахъ ты обжора! ахъ злодѣй!
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
Не стыдноль стѣнъ тебѣ, не только что людей.
(А Васька все таки курченка убираетъ)
Какъ, бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ?
Бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ.
А ты! — ахти какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ Васька плутъ! котъ Васька воръ,
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню.
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!
(А Васька слушаетъ да ѣстъ)
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но чтожъ? пока его онъ пѣлъ,
Котъ васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

XVI.

ОГОРОДНИКЪ и ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ, шакъ рылся огородникъ,
Какъ будшо бы хошѣлъ онъ вырышь кладъ;
Мужикъ решивый былъ рабошникъ,
И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ:
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съполсошни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охошникъ
До огородовъ и садовъ,
Великой краснобай, названой другъ природы,
Недоученый философъ,
Кошорый лишь изъ книгъ болшалъ про огороды;
Однакожъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходишь,
И шо-же огурцы садишь;
А между шѣмъ смѣялся шакъ сосѣду:
Сосѣдъ какъ хочешь шы пошѣй;
А я съ рабошою моей
Далеко опъ шебя уѣду;
И огородъ швой при моемъ,
Казашься будешъ пусшыремъ.
Да, правду говоришь, я и шому дивился,
Что огородишко швой кое какъ идешъ:
Какъ шы еще не разорился?
Ты чай вѣдь ни какимъ наукамъ не учился?
И некогда! сосѣда былъ ошвѣшъ.
Прилѣжносшь, навыкъ, руки;
Вошъ всѣ мои шушъ и науки:
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даешъ.
Невѣжа! возсшаваешь прошивъ наукъ шы смѣешь?
Нѣшъ баринъ; нешолкуй моихъ шакъ криво словъ;
Колѣ шы что путное зашѣешь,

Я перенять всегда готовъ.
Авотъ увидишь ты, лишь лѣтабънамъдождаться.
Но баринъ, не пораль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ.
Да! я не взрылъ, за недосугомъ;
Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше? заступомъ ихъ взрыть, сохой иль
плугомъ?
Но время еще не уйдетъ.
Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ,
Послѣдній отвѣчалъ, и тутъ же съ нимъ разстался;
Взялъ заступъ свой;
А философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся;
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ;
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ;
Въ журналахъ новость онъ найдетъ,
И все изроетъ, пересадитъ
На новой ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все, и поспѣло
Онъ съ прибылью — и въ шляпѣ дѣло;
А философъ....
Безъ огурцовъ.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

Скажи мнѣ кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?
Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, встрѣтясь съ
нею:
Я право о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ;
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно,
И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ иль обѣдъ,
Въ куряшникѣ оставить шкуры!!
Ну стоютъ ли того всѣ куры?
Кому такая жизнь сносна?
Лисица отвѣчаетъ:
Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже часто мнѣ и пища не вкусна.
Когдабъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ, мнѣ точно вострой
ножъ.
Ну чтожъ?
Крестьянинъ говоритъ, коль вправду ты не
лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;

Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, коль не лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься.
Торгъ слаженъ: и съ тогожъ часа
Вступила въ караулъ лиса.
Пошло у мужика житье лисѣ привольно,
Мужикъ богатъ; всего лисѣ довольно:
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй;
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Не краденой кусокъ приѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

XVIII.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ не какъ у насъ; у насъ робенокъ году,
Хотябъ онъ Царской былъ, и глупъ и слабъ и малъ;
А годовалой львенокъ,
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году левъ отецъ нешуткой думать сталъ,
Что бы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ Царску честь не уронить;
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Когожъ бы попросить, нанять, или заставить,
Царевича, Царемъ на выучку поставить?
Отдать его лисѣ; лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думалъ Царь, не Царская наука.
Отдать кроту; объ немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ,
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ;
И словомъ: слава шла,
Что кротъ великой звѣрь на малыя дѣла.
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза кротовы зорки;
Да въ даль не видятъ ничего.
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взятьли барса? барсъ отваженъ и силенъ;

А сверхъ того великой тактикъ онъ;
Да барсъ политики не знаетъ:
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ;
Какіежъ царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ Царскихъ недостоинъ.
Корочѣ: звѣри всѣ, и даже самой слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Имъ все еще казался не уменъ,
И не ученъ.
По щастью, или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про Царево горе,
Такой же Царь, пернатыхъ Царь, орелъ,
Который велъ
Со львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ львенка воспитать.
У льва какъ гору съ плечь свалило.
И подлинно чего, казалось, лучше было
Царевичу Царя въ учители сыскать?
Вотъ львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ кого ни спро-
сятъ
О львенкѣ отъ всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ;
И наконецъ приходитъ срочной годъ;
Царь левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ; тутъ Царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ

И говоритъ ему онъ такъ: любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ.
Явъ гробъ ужеглажу; а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ;
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ:
Чему ученъ ты? что ты знаешь?
И какъ ты свой народъ щастливымъ сдѣлать чаешь?
Папа, отвѣтствовалъ сынокъ, я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь ни кто;
И отъ орла до перепелки,
Какой гдѣ птицы болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки.
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ.
У птицъ не даромъ говорятъ:
Что я хватаю съ неба звезды;
Когдажъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнезды.
Тутъ ахнулъ Царь и весь звѣриной свѣтъ;
Повѣсилъ головы совѣтъ;
А левъ старикъ поздненько спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился;
Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Когда кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука для Царей,
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIX.
ЛИСТЫ и КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листки на деревѣ съ Зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ Зефирамъ толковали:
Не правда ли, что мы краса долинѣ всей?
Что нами дерево, такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Чтобъ было въ немъ безъ насъ? ну право!
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха.
Не мы-ль отъ зною пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы-ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы Зефиры сами
Почти не разстаетесь съ нами. —
Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно.
Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?
Кто вы такіе тамъ?
Листы по дереву, шумя залепетали.
Мы тѣ,
Которые здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ.— Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете:
Красуйтесь въ доброй часъ,

Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной, листъ новой народится;
А естьли корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

XX.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается.)
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
Гдѣ можно насъ гусей нещастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто-бы простыхъ гусей гоняетъ;
А этова не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатной родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ.
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.
А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ — да наши предки . . . знаю!
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли ?
Да наши предки Римъ спасли:
Все такъ, — да вы что сдѣлали такое?
Мы? — ничего! — такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?

Оставте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы друзья лишь годны на жаркое.

Баснѣ эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XXI.

СВИНЬЯ.

Свинья на барской дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась,
Въ сору, въ навозѣ извалялась,
Въ помояхъ по уши, до сыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньей.
Ну чтожъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такова?
Свинью спросилъ пастухъ:
Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другова?
Хавронья хрюкаетъ: ну право порютъ вздоръ!
Я не примѣтила богатства ни какова-
Все только лишь навозъ да соръ;
А кажется ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XXII.

ОРЕЛЪ и ПАУКЪ.

За облака орелъ
    На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
    На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли,
    Здѣсь рощи и луга цвѣли
    Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
  А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ ворона крыло чернѣлося въ дали.
Хвала тебѣ Зевесъ, что управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты,
    (Орелъ къ Юпитеру взываетъ)
И что смотрю оттоль на міра красоты,
    Куда ни кто не залетаетъ.

Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ;
Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?
Орелъ глядитъ — и подлинно паукъ
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И кажется орлу заткать онъ солнце хочетъ.
Ты какъ на этой высотѣ?
Спросилъ Орелъ; и тѣ
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ: не ужли ты доползъ?
Нѣтъ; я бъ на это не рѣшился—
Да какъ же здѣсь ты очутился?
Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И съ низу на хвостѣ ты самъ меня занесъ.
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо-мной, прошу не величаться,
И знай что я — Тутъ вихрь отколѣ ни возмисъ,
И сдунулъ паука опять на самой низъ.
Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ не рѣдко пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся въ верьхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,

Какъ будтобъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной;
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

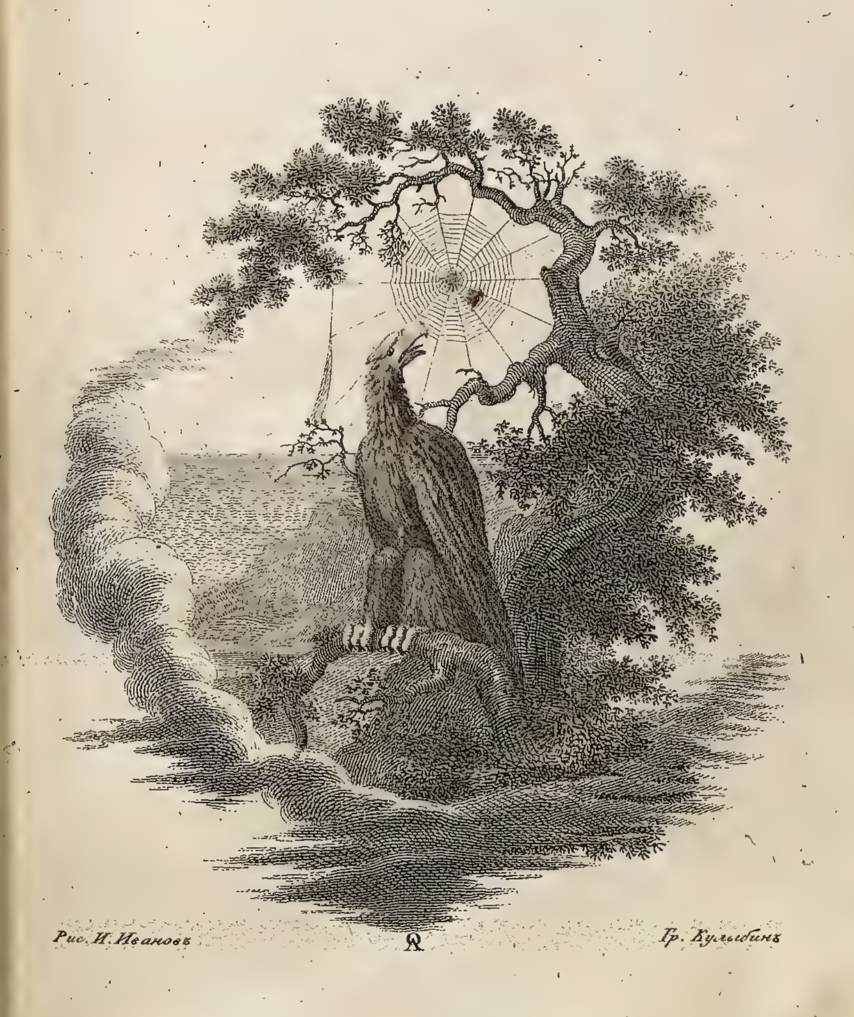

Рис. И. Ивановъ   Гр. Кулыбинъ

БАСНИ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рис. И. Ивановъ — Гр. А. Петровъ

БАСНИ

I.

ЧИЖЪ и ЕЖЪ.

Уединеніе любя
Чижъ робкой на зарѣ чирикалъ про себя —
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось;
И не за что, такъ какъ-то пѣлось.
Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему;
И въ встрѣтенье ему

Хоръ громкой соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раз-
дался.
Мой чижъ замолкъ — Ты чтожъ,
Спросилъ его съ насмѣшкой ежъ,
Пріятель не поешь?
За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ феба я достойно величалъ,
Сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ;
А слабымъ голосомъ я феба пѣть не смѣю.

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Ябъ АЛЕКСАНДРА пѣлъ.

II.

ЛЕВЪ на ЛОВЛѢ.

Собака, левъ, да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой,
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей съ обща ловить;
И что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю какъ и чемъ, а знаю, что сначала,
Лиса оленя поимала;
И ну скорѣй къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить щастливой ловъ:
Добыча право не дурная!
Пришли -- пришелъ и левъ -- онъ когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: мы братцы въ четверомъ;
И на четверо онъ оленя раздираетъ.
Теперь давай дѣлить: смотрите же друзья!
Вотъ эта часть моя,
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ
спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протя-
нетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

III.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась.
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ, и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самой тороватой
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся. — Чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ, и на море глаза уставя, ждетъ.
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
Вотъ закипитъ — вотъ тотчасъ загорится.
Ни тутъ-то! море не горитъ.
Кипитъ ли хоть? — и не кипитъ.
И чемъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится;
Но ничьево не трогая лица,
Что дѣломъ не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

IV.

ОСЕЛЪ

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслуль, или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ;
А вылился оселъ почти какъ муха малъ.
Осла ни кто почти не примѣчалъ..
Однако же оселъ спѣсиваго былъ духу:
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
Оселъ къ Юпитеру присталъ
И росту сталъ просить большова.
Помилуй, говоритъ, какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь,
Притомъ съ великова и до меньшова
Все рѣчь объ нихъ лишь да объ нихъ;
За чтожъ къ осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ ни какихъ,
И объ ослахъ ни кто ни слова?
А естьлибъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спѣсибы со львовъ и съ барсовъ я позбилъ;
И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ.
Что день, то снова
Оселъ мой тожъ Зевесу пѣлъ,
И до того ему онъ надоѣлъ,
Что наконецъ моленія ослова
Послушался Зевесъ.
Изъ мошки сталъ оселъ скотиной превеликой,
А сверхъ тово ему такой данъ голосъ дикой,
Что мой ушастой Геркулесъ

Пораспугалъ было весь лѣсъ.
Что то за звѣрь? какова роду?
Чай онъ зубастъ? роговъ чай нѣтъ числа?
Ну только и рѣчей пошло, что про осла.
Но чѣмъ все кончилось? не минуло и году,
Какъ всѣ узнали — кто оселъ.
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко
Нелучшель маленькой исжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ?

V.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезноль просвѣщенье?
Полезно — слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье;
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истиннѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,
Да важно говорить не всякому пристало;
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни три
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ:
Постой же, думаетъ мужикъ, дадутъ мнѣ двое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ.
Тутъ взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,

Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ объ кирпичь онъ точитъ;
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочетъ,
И подлинно, какъ жаръ червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

Рис: И: Ивановъ. *Гр: Галактіоновъ.*

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ къ стыду земныхъ
племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей шумя несутся въ
полѣ.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Что бы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги, или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что впрочемъ съ ближнихъ горъ каменьями не
трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ
И закидать олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ.
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что къ убѣжденію бунтующихъ нехудо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
Пождемъ,
Юпитеръ рекъ; а естьли не смирятся,
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся.
Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомя-
тежныхъ;

Но съ тысячью смертей и злыхъ и неизбѣжныхъ
На собственныя ихъ обрушилась главы.

Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте народы вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

IX.

ЛЕВЪ и БАРСЪ.

Когда-то въ старину
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну,
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы;
Хоть разобраться льзябъ имъ было по правамъ;
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы
И вѣрятъ болѣе когтямъ.
Однако наконецъ не вѣчножъ драться:
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться;
Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры;
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчной заключить
До первой ссоры.
Назначимъ же скорѣй
Мы, отъ себя Секретарей,
Льву предлагаетъ Барсъ, и какъ ихъ умъ разсу-
дитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я напримѣръ къ тому — опредѣлю кота:
Звѣрокъ хоть не казистъ -- да совѣсть въ немъ
чиста;
А ты осла назначь--онъ знатнова же чина,
И къ слову молвить здѣсь:
Куда онъ у тебя завидная скотина.
Повѣрь какъ другу мнѣ,-совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ-ли стоютъ.
Положимсяжъ на томъ,
На чемъ
Съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ.
И левъ мысль барса утвердилъ

Безъ спору;
Но только не осла лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этова разбору;
Примолвя просебя, (какъ, видно, зналъ онъ свѣтъ!)
Ково намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку
нѣтъ.

X.

ВЕЛЬМОЖА и ФИЛОСОФЪ.

Вельможа въ праздный часъ толкуя съ мудрецомъ
О томъ, о семъ,
Скажи мнѣ, говоритъ, ты свѣтъ довольно знаешь,
И будто въ книгѣ ты въ сердцахъ людей читаешь,
Какъ это? что мы ни начнемъ:
Суды-ли, общества ль ученыя заведемъ;
Едва успѣемъ оглянутся,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся.
Неужъ-ли ужъ отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ?
Не думаю, сказалъ мудрецъ въ отвѣтъ:
И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами)
Что съ деревянными домами.
Какъ?-такъже-я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались;
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.

XI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ;
Какъ вдугъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!
Кричитъ одинъ изъ нихъ — ступайте!
А нашъ раздѣлъ и послѣ мы сведемъ.
Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой!
Я съ мѣста не сойду долой —
Мнѣ двѣ не додано - а вотъ тутъ щеты ясны,
Еще одинъ кричитъ-нѣтъ, нѣтъ мы не согласны:
Да какъ, за что, и почему?
Забывши что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того-шумѣли.
Что захватило ихъ въ дыму
И всѣ они совсемъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй;
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

XII.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣебъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись;
И вѣжливыежъ псы притомъ
Ни на ково не лаютъ днемъ;
Такъ разсуждать они пустилися въ двоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ —
Что можетъ, говоритъ Полканъ, пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу,
Ни спить безъ друга и ни съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить щастливой часъ,
Нельзя ли друга чемъ потѣшить, позабавить;
И въ дружнемъ щастьѣ все свое блаженство ставить.
Вотъ естьлибъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась;
Скажу я смѣло,
Мыбъ и не видѣли, какъ время бы летѣло.
А чтожe? это дѣло,
Барбосъ отвѣтствуетъ ему;
Давно Полканушка мнѣ больно самому,
Что бывши одново двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чево?—спасибо господамъ,

Ни голодно ни тѣсно намъ;
Притомъ же право стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей
Почти совсемъ не видно.
Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,
Вскричалъ Полканъ — дай лапу — вотъ она.
И новые друзья ну обниматься,
Ну цаловаться;
Незнаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
Орестъ мой! мой Пилладъ! прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней въ запуски несутся;
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пилладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья въ верхъ летятъ.
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едваль не одинаки:
Послушать: кажется одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.

XIII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою ево дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!—
Вотъ естьлибъ дѣло шло о деньгахъ; рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону и можнобъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять,
Возить въ ней стали воду,
И все бы хорошо; да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винной духъ пошелъ отъ ней вовсемъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ; ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близь году;
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чемъ ту бочку ни нальетъ;
А винной духъ все вонъ нейдетъ,
И съ бочкой наконецъ онъ принужденъ раз-
статься.

Старайтесь незабыть, отцы, въ басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будетъ отзываться.

XIV.
ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльной разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ три и въ мигъ,
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ;
И полно братецъ — тутъ другой ему сказалъ;
Собакъ намъ не исправить;
Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить.
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной собаки не слыхать.

Хулители на что ни взглянутъ
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

I

ε
A
I

XVI.

Л Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь
Какой-то дворянинъ, (а можетъ быть и Князь)
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Разхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ щету прилыгалъ.
Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ
ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнитъ такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ ненада!
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглой Божій годъ все видишь Майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ;
А естьлибъ посмотрѣлъ, что тамъ ростетъ и
зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору:
Повѣришь-ли? ну право былъ онъ съ гору.
Чтожъ за диковина, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.—
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,

Куда намъ путь лежитъ: онъ кажется и простъ;
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти несмѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ пожалуй хоть въ каретѣ.—
А какова у васъ рѣка?—
Да не мелка.
Такъ видищь—ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть Римской огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:—
Вѣдь съгору кажется, ты такъ сказалъ объ немъ?
Гора хоть не гора; но право будетъ съ домъ.
Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно;
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца ни какъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной,
Диковинка, коль это справедливо.—
Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть:
И то ни стать ни сѣсть.
Пусть такъ; но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ?

Что лгунъ не сдѣлаешъ на немъ пяши шаговъ,
Какъ шошчасъ въ воду.
Хошь Римской швой и чуденъ огурецъ.
Послушай ка, шушъ перервалъ мой лжецъ,
Чѣмъ на мосшъ намъ идши, поищемъ лучше броду.

XVII.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха ручей журчитъ сердито:
Рѣка несытая! что, естьлибъ дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай-бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды;
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла!
И мимо хижинки, и каждаго кусточка.
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа ни гдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.
Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И чтожъ? не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:

Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣ-
кой;
Но ахъ! куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клу-
бы;
Столѣтніе валяетъ дубы:
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самой тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пѣнялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ совсѣмъ своимъ въ немъ стадомъ;
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно,
гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды.

XVIII.

ЛИСИЦА и СУРОКЪ.

Куда такъ кумушка бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ сурокъ.
Охъ! мой голубчикъ куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей;
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой;
Въ трудахъ, куска не доѣдала,
Ночей не досыпала;
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ — ну самъ подумай ты:
Ктожъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы!
Мнѣ взятки брать! — да развѣ я взбѣшуся.
Ну видывалъ ли ты? я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху!
Подумай, вспомни хорошенько.
Нѣтъ кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь по маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревенку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,

Хоть по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшишь не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XIX.
ЗАЯЦЪ на ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили,
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ-же тянетъ.
Ба! ты косой,
Кричатъ ему, пожаловалъ отколѣ?
Тебя ни кто на ловлѣ не видалъ.
Вотъ братцы! заяцъ отвѣчалъ,
Да изъ лѣсу-то ктожъ? все я ево пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ полѣ
Сердечнаго дружка.
Такое хвастовство хоть съ лишкомъ было явно;
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются;
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XX.

ОРЕЛЪ и ПЧЕЛА.

Щастливъ, кто на чредѣ трудится знамени-
тoй:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости со-
крытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится;
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
Какъ ты бѣдняжка мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я право не пойму охоты,
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду.
Какая разница межъ нами!
Когда разширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ ста-
дахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,

Меня завидя, показаться.
Пчела отвѣтствуетъ : тебѣ хвала и честь.
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы;
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

XXII.

ВОЛКЪ и КУКУШКА.

Прощай сосѣдка! волкъ кукушкѣ говорилъ:
Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ:
Все тѣжъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другова злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.
А далеколь сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?—
О! я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи щастливой.
Сосѣдка! то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы кроткй человѣки;
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну словомъ, царствуютъ Златыя времена.
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажижъ сама, голубка мнѣ,
Не милоль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости, не поминай насъ лихомъ.
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ,
Въ тиши, въ довольствѣ, въ нѣгѣ;
Нетакъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ.
Щастливой путь, сосѣдъ мой дорогой!
Кукушка говоритъ, а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, илъ возмешь съ собой?

Ужъ кипушь, вздоръ какой !
Такъ вспомни же меня, что бышь шебѣ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кшо дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричишъ и ропчешъ на людей:
Не видишъ добрыхъ онъ, куда ни обернешся;
А первой самъ ни съ кѣмъ не уживешся.

XXIII.
КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой;
То ради мы тому хотя молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечь бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же придетъ худо:
Всѣ въ запуски ево цѣнятъ,
И естьли онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ,
Домой въ деревню съ сѣнокосу;
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на нево медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, вертитъ ево, ломаетъ,
И гдѣбъ ево почать, лишь мѣсто выбираетъ,
Конецъ приходитъ старику.
Степанушка родной! не выдай милой! —
Изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку —
Вотъ новой Геркулесъ собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему железной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда, крестьянинъ всталъ
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшалъ бѣдной мой Степанъ.
Помилуй, говоритъ, за что? — за что! болванъ,
Чему обрадовался съ дуру? —
Знай колитъ — всю испортилъ шкуру.

XXIV.

О Б О З Ъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая.
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ.
„Ай конь хваленой! то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень-косо! криво!
Смѣлѣе!—вотъ толчокъ опять;
А тутъ бы въ лѣво лишь принять.
Какой оселъ! добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья.
Таскалъ бы воду ужъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ;
Небось, ужь время не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ выгнувши хребетъ, и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли, толчки,
Прыжки;

Лѣвѣй! лѣвѣй! и съ возомъ бухъ въ канаву:
Прощай хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту-же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примется за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXV.
ДЕМЬЯНОВА УХА.

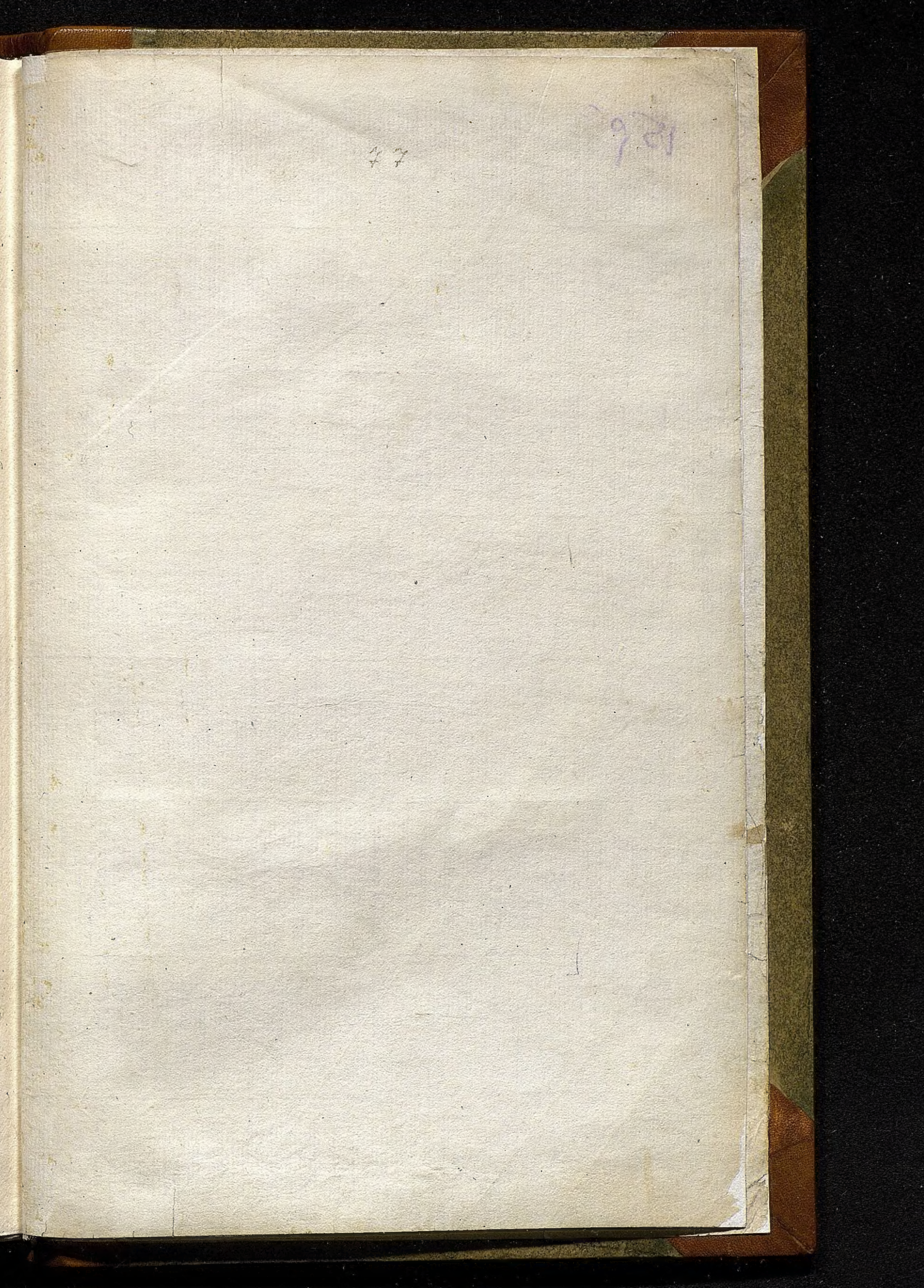
Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.
Сосѣдушка! я сытъ по горло. — Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку, послушай:
Ушица ей-же-ей на славу сварена!
Я три тарелки съѣлъ;— и полно что за щеты?
Лишь стало бы охоты;
А то во здравье! ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хоть ложечку! да кланяйся жена!
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ;
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.— Вотъ друга я люблю,
Вскричалъ Демьянъ, зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну скушай же еще тарелочку, мой милой.
Тутъ бѣдной Фока мой,
Какъ ни любилъ уху; но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку
Скорѣй безъ памяти домой;
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.
Писатель; щастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь,
Но естьли помолчать во время не умѣешь,

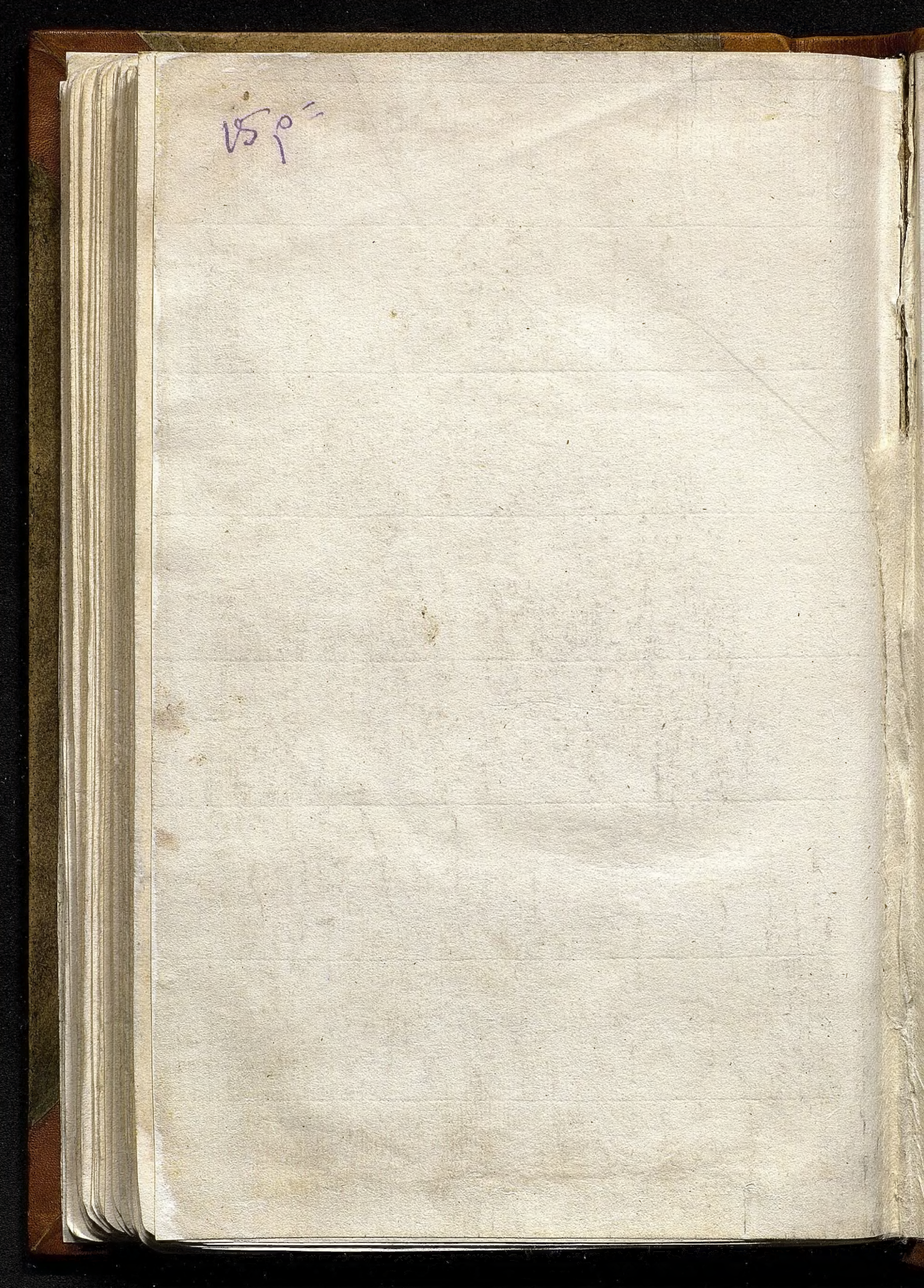
И ближняго ушей ты не жалѣешь;
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Конецъ.

Рис И. Ивановъ Гр. М. Ивановъ

2054
II. A.

